

Триллер – это всегда

...стрельба

...угрозы (Тара Рид и Олег Штефанко)

...храбрый герой (Ник Моран)

...погони (Ник Моран без дублеров)

Чисто английское партнерство

Вечерняя Москва. 2004. 22 октября. С. 10

«Шорт пабери... крютю... бьезпридель...» – доносится на все лады из-за приоткрытой двери тон-студии «Мосфильма». А через пару минут перед нами, обаятельно по-нездешнему улыбаясь, в джинсовом костюме, стоит носитель этого эlegantного британского акцента – до жути похожий одновременно на Арамиса из «Трех мушкетеров» и на Эдди из «Карты, деньги, два ствола». Только вот тонкие усики непонятно откуда... Сомнительные усики, скажем прямо. «За усы прошу прощения – это для следующей роли», – читая мои мысли, чуть смущенно поясняет Ник Моран.

На «Мосфильме» он не случайно: приехал на окончательную озвучку первого совместного проекта русско-американской компании (РАМКО) – фильма «Теневой партнер», который только что закончил режиссер Джеймс Дек под чутким руководством продюсеров Сергея Конова и Леонида Миньковского (Россия), а также Эндрю Стивенса (США). Они гордятся тем, что это первое американское кино, от начала до конца снятое в России, – и уже 3 ноября картина будет представлена на кинорынке в Лос-Анджелесе. Это политический триллер с погонями, перестрелками, взрывами, прости господи, на улицах Москвы... А в центре событий – герой Морана, молодой сотрудник ЦРУ, отнюдь не Джеймс Бонд, а «просто Гордон Патрик», взявшийся на свою американскую голову расследовать финансовую аферу с кредитами...

– Ник, признайтесь, у вас был страх перед Россией?

– Страх? Ну уж нет, я бывал в местах и более непредсказуемых.

– Что скажете о характере вашего героя?

– Это очень реальное кино о коррупции высокого правительственного уровня. В ходе моего расследования пропавшего кредита выясняется, что не существует компании, получившей кредит, а вся история, связанная с получением этих денег, – афера, подготовленная коррумпированными американскими и российскими чиновниками при содействии криминальных структур. Я играю роль обычного аналитика,

такого «книжного червя», «белого воротничка», человека офиса. Но очень наблюдательного – я вижу странные бумаги и пытаюсь в них разобраться. Мой герой не расследует преступление – он просто анализирует ход событий. На мой взгляд, очень реальная, очень актуальная история. Такое происходит сплошь и рядом.

– Почему в американских фильмах русские всегда преступники?

– Этот сценарий как раз хорош тем, что показывает, что оба правительства – и американское, и российское – хороши. И те, и другие замешаны в грязных делах. Что ж, это, видимо, грустная правда жизни. На сегодняшний день, во всяком случае.

– Самая большая проблема на съемочной площадке?

– Языковой барьер. Мне пришлось достаточно трудно. Очень сложно учить сценарий (и затем играть) на языке, который почти не понимаешь. Вообще, мне всегда казалось, что весь мир знает английский... Но тут я понял – это совсем не так! На площадке галдели пятьдесят человек, и когда режиссер кричал «Экшн!» («Мотор!» по-вашему) – никто и не думал затихать. И только после вопля «Стоп!» становилось тише. И потом уже после «Экшн!» стали кричать «Мотор!». Вот такая русская специфика.

– С вами играли и американцы (например, Тара Рид), и русские артисты – Вероника Изотова, Георгий Мартинросян, Инна Григорьева, Любовь Германова. Есть разница?

– Думаю, что да. Для американцев важно в первую очередь, как они выглядят «на картинке», а русские ближе к нам, британцам, своим профессионализмом в проявлении экспрессии характера, движения, настроения...

– В сценарии много рискованных сцен – у вас были дублеры?

– Только один раз. Когда мы снимали сцену погони на автомашине по московской набережной, то пятьдесят процентов моей работы сделал дублер – там было слишком опасно. Продюсеры решили не рисковать.

– Какие-нибудь казусы случались на площадке?

– Да каждый день! Например, наш режиссер, Джеймс Дек, сыграл одну роль сам. Почему? Очень просто. Был приглашен артист, который приехал в лондонский аэропорт просто с российским приглашением – без всякой визы. Он решил, что этого достаточно. Его, конечно, не пустили на борт самолета. А Джеймсу пришлось отдуваться за него.

– Вы играете в театре?

– Ой, много. Мы ездим с разными труппами по городам Англии, прокатывая разные пьесы.

– А в русских приходилось играть?

– Горький, Чехов, да? Нет, в русских пьесах я играл раньше, когда еще учился в драматической школе. Мы сейчас играем в основном западную драматургию. Но я бы хотел сыграть в какой-нибудь русской пьесе. Я считаю, что Чехов актуален всегда. И обещаю, что это сделаю – выступлю в какой-нибудь чеховской пьесе. Но не сейчас – слишком занят съемками.

– А что вы знаете, что вам интересно из русской культуры?

– О, достаточно. Русское кино. «Русский ковчег» Сокурова шел в Лондоне. Грандиозный фильм, снятый одним планом. Вы здесь, наверное, его не видели. А русская история? Я ее изучал в колледже, даже писал реферат на тему политического строя Советского Союза. Всех ваших вождей знаю – Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева...

– Тогда какой период в русской истории для вас самый интересный?

– Это время от русской революции 17-го года до начала холодной войны. Ни с чем не сравнимый период. Нигде в мире не было ничего подобного.

– А Москва произвела впечатление?

– О! Какие здания, какая архитектура! Красная площадь, мавзолей, Большой театр, музеи – это все уникально. Всем этим можно гордиться. И важно, что культурные традиции здесь сохраняются даже в топоники – а вот в Лондоне нет улиц Чарльза Дикенса или Вильяма Шекспира.

– Как, по-вашему, Москва –

это Европа или все-таки Азия?

– Москва есть Москва. Но мне кажется, ваша столица все-таки больше Европа.

– Оценили красоту русских девушек?

– Жаль, не было времени.

– А на семью его хватает?

– Как раз и нет. Жена и дети – все это в будущем. Пока – только работа.

Беседовала
Наталья
БОБРОВА

